
Брэм Стокер
аудиокнига
ART DICTATION STUDIO
ардис
Логово
Белого Червя

Брэм Стокер

Логово Белого Червя

«АРДИС»
1911

Стокер Б.

Логово Белого Червя / Б. Стокер — «АРДИС», 1911

В тихих землях Дербишира, где старинные легенды сплетаются с мрачными тайнами, пробуждается древнее зло – Белый Червь, чьё логово веками хранило жуткие секреты. Когда австралиец Адам Солтон приезжает в родовое поместье, он надеется обрести семью и покой, но вместо этого оказывается в эпицентре зловещих событий: в округе гибнут люди, по лесам ползут слухи о чудовищных змеях, а в поведении местных аристократов сквозит нечто куда более пугающее, чем просто высокомерие. Среди интриг, гипнотических манипуляций и кровавых ритуалов зреет противостояние, где на кону не только жизнь Адама, но и сама ткань реальности – ведь Белый Червь не просто миф, а живая, хищная сила, питающаяся страхом и грехом. Брэм Стокер мастерски нагнетает напряжение: готическая атмосфера, пронизанная ощущением неотвратимой беды, соседствует с почти детективной интригой, а жажда власти и древние проклятия сплетаются в клубок, из которого почти невозможно вырваться. Эта история – о том, как прошлое не желает умирать, как легенды обретают плоть и как один смелый шаг может столкнуть человека лицом к лицу с первозданным ужасом, скрывающимся под маской благопристойной английской провинции.

© Стокер Б., 1911
© АРДИС, 1911

Содержание

Глава I 6
Глава II 9
Глава III 13
Глава IV 16
Глава V 22
Глава VI 27
Глава VII 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Брэм Стокер
Логово Белого Червя

©&(P) Ардис, перевод, издание на русском языке

Глава I
Прибытие Адама Солтона

Адам Солтон неторопливо вошел в сиднейский «Эмпайр-клуб» как обычно пообедать и обнаружил там ожидавшее его письмо от двоюродного дяди. Впервые он услышал об этом почтенном джентльмене меньше года назад, когда Ричард Солтон заявил о родстве, объяснив, что не мог написать раньше, поскольку отыскать адрес внучатого племянника оказалось делом чрезвычайно трудным. Адам обрадовался и ответил со всей душой: он часто слышал, как отец упоминал старшую ветвь семьи, связь с которой была давно утрачена. За этим завязалась живая, интересная переписка. Адам с нетерпением вскрыл полученный конверт; в нем содержалось радушное приглашение погостить у двоюродного дяди в Лессер-Хилле столько времени, сколько он сможет себе позволить.

«В самом деле, – продолжал Ричард Солтон, – я надеюсь, что ты обоснуешься здесь навсегда и обретешь свой истинный дом. Видишь ли, мой дорогой мальчик, мы с тобой – последние из нашего древнего рода, и вполне естественно, что ты унаследуешь мое состояние, когда пробьет мой час. В нынешнем, 1860 году от Рождества Христова, мне пошел уже восьмой десяток; и хотя мужчины в нашей семье всегда славились долголетием, предел человеческой жизни нельзя отодвинуть дальше разумных границ. Я готов полюбить тебя и сделать твою жизнь у меня настолько счастливой, насколько ты только можешь пожелать. Поэтому приезжай тотчас же по получении этого письма, и здесь тебя встретят с тем самым нетерпением, с каким я давно жду нашей встречи. На случай, если это облегчит сборы, прилагаю банковский чек на двести фунтов. Спеши, чтобы мы успели насладиться многими счастливыми днями вместе. Если ты готов подарить мне радость этой встречи, черкни как можно скорее, когда тебя ждать. И тогда, прибудешь ли ты в Плимут, Саутгемптон или любой другой порт, не сходи на берег, оставайся на борту: я встречу тебя в самый первый час по прибытии».

Старый мистер Солтон пришел в совершенный восторг, когда получил ответ Адама, и тотчас отправил конюха во весь дух к своему закадычному другу, сэру Натаниэлю де Салису, с вестью, что внучатый племянник прибывает в Саутгемптон двенадцатого июня.

Мистер Солтон распорядился, чтобы в этот знаменательный день с раннего утра была подана коляска: он намеревался отправиться в Стаффорд и там сесть на поезд в 11:40. Эту ночь он рассчитывал провести вместе с племянником – либо на корабле, что обещало стать для него совершенно новым опытом, либо, если гость предпочтет привычную твердь под ногами, в гостинице. В любом случае на рассвете они должны были двинуться в обратный путь. Он поручил своему управляющему выслать дорожный экипаж в Саутгемптон к назначенному сроку и велел немедленно подготовить смены собственных лошадей. Ему хотелось, чтобы внучатый племянник, всю жизнь проведший в Австралии, во время поездки полюбовался красотами сельской Англии. У него имелось немало молодых лошадей собственного завода и выездки, и он не сомневался, что это путешествие останется в памяти юноши ярким воспоминанием. Багаж решено было отправить по железной дороге до Стаффорда, где его встретила бы одна из телег мистера Солтона.

По дороге в Саутгемптон мистер Солтон то и дело задавался вопросом, волнует ли племянника мысль о первой встрече с единственным близким родственником так же сильно, как его самого; ему стоило немалых усилий сохранять внешнее спокойствие. Бесконечные железнодорожные пути и стрелки вокруг доков Саутгемптона лишь сильнее разожгли его тревожное нетерпение.

Когда поезд замер у пристани, старик как раз собирал свои дорожные вещи, как вдруг дверца вагона резко распахнулась, и внутрь стремительно вошел молодой человек.

– Как поживаете, дорогой дядя? Я сразу узнал вас по фотографии, которую вы мне прислали! Мне хотелось встретить вас как можно скорее, но здесь все для меня настолько в диковинку, что я немного растерялся. Однако вот и я. Счастлив видеть вас, сэр. Я грезил об этой минуте за тысячи миль отсюда, но сейчас вижу, что действительность превосходит любые мечты!

Пока он говорил, старик и юноша горячо, со всей сердечностью пожимали друг другу руки.

Встреча, начавшаяся столь благополучно, и дальше развивалась как нельзя лучше. Адам, заметив, что старика искренне занимает новизна корабельного быта, предложил переночевать на борту, добавив, что сам он будет готов отправиться в любой час и в любом направлении, какое дядя сочтет нужным. Эта ласковая готовность подчиниться его планам окончательно покорила сердце старика. Он с жаром принял приглашение, и между ними мгновенно установились не просто родственные узы, а доверительные отношения старых друзей. Сердце старика, так долго пустовавшее, заполнилось новой радостью. Молодой человек, ступив на землю предков, встретил прием и теплоту, о которых мечтал в долгие часы скитаний и одиночества, а вместе с тем – предвестие новой, яркой, полной приключений жизни.

Миновало совсем немного времени, прежде чем старик окончательно признал его своим и стал называть просто по имени. После долгой беседы о делах, одинаково важных для обоих, они удалились в каюту, которую старший Солтон должен был делить с Адамом. Ричард Солтон ласково положил руки на плечи юноши – хотя Адаму шел уже двадцать седьмой год, для двоюродного дяди он был мальчиком и остался бы им навсегда.

– Как я рад, что нашел тебя именно таким, мой дорогой мальчик, – именно таким, какого я в прежние годы, когда еще смел надеяться, мечтал видеть своим сыном. Впрочем, былое давно прошло. Но, слава Богу, для нас обоих открывается новая глава наших жизней. Тебе, конечно, достанется лучшая ее часть, но у нас еще есть время пройти какой-то отрезок пути вместе. Я сознательно ждал личной встречи, прежде чем заговорить об одном важном деле; мне казалось неправильным связывать твою молодую жизнь с моей угасающей, пока мы не узнаем друг друга ближе. Теперь же я могу говорить об этом открыто: с той самой минуты, как я увидел тебя, я признал в тебе сына – каким ты, с Божьей помощью, и станешь, если сам того пожелаешь.

– Я желаю этого всей душой, сэр! Всем сердцем!

– Спасибо тебе, Адам.

Глаза старика увлажнились, голос дрогнул. Затем, после долгого, наполненного глубоким чувством молчания, он продолжал:

– Едва узнав о твоем приезде, я составил завещание. Мне хотелось с первой же секунды оградить твои интересы. Вот этот документ – храни его, Адам. Все, чем я владею, будет принадлежать тебе; и если любовь и добрые напутствия способны скрасить человеческую долю, твоя жизнь будет счастливой. А теперь, мой дорогой мальчик, нам пора отдыхать. Мы выезжаем на рассвете, и впереди долгий путь в экипаже. Надеюсь, ты любишь верховую езду и экипажи? Сперва я думал взять старую дорожную карету, в которой мой дед, твой двоюродный прапрадед, являлся ко двору в эпоху короля Вильгельма IV. Она в безупречном состоянии – в те времена строили на века, – и за ней ухаживали как за драгоценностью. Но после я рассудил, что будет лучше отправить тот экипаж, в котором езжу я сам. Лошади – моих собственных конюшен, и довезут нас без задержек. Надеюсь, ты питаешь страсть к лошадям? Они уже много лет составляют мою главную отраду.

– О да, сэр, я обожаю их, и, к счастью, у меня самого богатый опыт. Когда мне исполнилось восемнадцать, отец подарил мне конный завод. Я отдался этому делу со всей страстью, и оно пошло в гору. Перед самым моим отъездом управляющий вручил мне отчет: в моем собственном табуне больше тысячи голов, и почти все – отменные скакуны.

– Счастлив это слышать, мой мальчик. Вот и еще одна нить, связавшая нас.

– Только представьте, какое это будет удовольствие, сэр, – увидеть Англию, да еще и в вашем обществе!

– И за эти слова снова спасибо, мой мальчик. По дороге я поведаю тебе все о твоем будущем доме и о здешних краях. Уверяю тебя, мы поедем с настоящим старинным шиком. Мой дед всегда выезжал четверкой; так двинемся и мы.

– О, благодарю вас, дядя, благодарю! А можно мне иногда брать вожжи?

– Когда только пожелаешь, Адам. Вся упряжка в твоем распоряжении. Каждая лошадь, на которую мы сегодня сядем, отныне твоя.

– Вы слишком щедры ко мне, дядя!

– Ничуть. Это лишь эгоистичная радость старика. Не каждый день наследник древнего рода возвращается к родному очагу. И… ах да, кстати… Впрочем, нет, сейчас нам лучше лечь отдохнуть. Остальное я расскажу тебе утром.

Глава II
Кастра Регис

Мистер Солтон всю жизнь привык подниматься с первыми петухами и, как следствие, просыпался рано. Однако как бы рано ни пробудился он на следующее утро – хотя непрестанное жужжание и грохот карабельных судовых лебедок вполне могли послужить оправданием для прерванного сна, – он тут же встретил приветливый взгляд Адама, устремленный на него с койки. Внучатый племянник уступил старшему диван, а сам занял нижнюю полку. Старик, несмотря на свою недюжинную силу и привычную бодрость, все же немного утомился от долгой вчерашней дороги и последовавшего за ней волнующего свидания. Поэтому он был рад полежать в тишине, давая отдых телу, пока его деятельный ум впитывал новые впечатления от непривычной обстановки.

Адам же, по пастушеской привычке, укоренившейся в нем с детских лет на австралийских просторах, проснулся с рассветом и ждал лишь знака, чтобы ринуться в водоворот нового дня, как только это будет удобно его старшему спутнику. Едва они поняли, что оба готовы, как одновременно вскочили и принялись одеваться. По заранее отданному распоряжению стюард подал ранний завтрак, и не успело солнце подняться высоко, как они уже спустились на берег.

На пристани их поджидал управляющий мистера Солтона, который тотчас проводил их к стоявшему на улице экипажу. Ричард Солтон не без гордости указал молодому человеку на то, как безупречно этот экипаж приспособлен для дальних странствий. В него была запряжена четверка надежных, статных коней, а на каждой паре сидел свой форейтор.

– Взгляни, – удовлетворенно проговорил старик, – здесь есть все, что составляет роскошь истинно комфортного путешествия: тишина, уединение и скорость. Ничто не заслоняет обзор, и некому подслушать наши разговоры. Я неизменно пользуюсь этим экипажем вот уже четверть века и не встречал ничего более удобного для дальних дорог. Скоро ты сам в этом убедишься. Наш путь проляжет через самое сердце Англии, и по дороге я поведаю тебе то, о чем заикнулся вчера вечером. Мы минуем Солсбери, Бат, Бристоль, Челтнем, Вустер, Стаффорд – и наконец окажемся дома.

Адам некоторое время молчал; казалось, он весь превратился в слух и зрение, жадно окидывая взглядом расстилавшийся до самого горизонта простор.

– Имеет ли наше сегодняшнее путешествие, сэр, – спросил он, – какое-то особое отношение к тому, о чем вы собирались мне рассказать?

– Прямого – пожалуй, нет; но косвенно – самое непосредственное.

– Может быть, вы расскажете мне сейчас? Здесь нас никто не подслушает, а если по пути вам вспомнится какая-то деталь, вы просто вставите ее в рассказ. Я все пойму.

И старый Солтон начал свое повествование:

– Начнем с самого начала, Адам. Твоя лекция о «Римлянах в Британии», отчет о которой ты мне прислал, заставила меня глубоко задуматься – помимо того, что она раскрыла мне твои вкусы и дарования. Я сразу же написал тебе с призывом вернуться на родину, ибо рассудил так: если ты увлечен историческими изысканиями, а это очевидно, то здешние края – как раз то, что тебе нужно. Не говоря уже о том, что это земля твоих предков. Если тебе удалось так много узнать о британских римлянах, находясь на другом конце света, в Новом Южном Уэльсе, где о них нет и помину, то чего же ты достигнешь, оказавшись прямо на месте событий? Земли, куда мы держим путь, лежат в самом сердце древнего королевства Мерсии, где доныне сохранились следы всех тех племен и народов, из чьего смешения родилась Британия.

– И все же мне показалось, сэр, что у вас была более веская, сугубо личная причина желать моего скорого приезда. В конце концов, история может и подождать – если только она не вершится прямо сейчас!

– Совершенно верно, мой мальчик. Причина была, и ты проявил завидную проницательность. Мне хотелось, чтобы ты оказался здесь как раз к началу весьма примечательной главы в нашей местной летописи.

– И что же это за событие, сэр, если не секрет?

– О, никакого секрета. Крупнейший землевладелец нашего графства возвращается в свои владения, и по этому случаю готовится пышное празднество; думаю, тебе будет любопытно на это взглянуть. Дело в том, что уже больше века сменявшие друг друга хозяева здешнего имения, за одним коротким исключением, безвыездно жили за границей.

– Отчего же так, сэр?

– Огромное поместье в наших краях зовется Кастра Регис; это родовое гнездо старинного рода Касволлов. Последним из владельцев, кто действительно жил здесь, был Эдгар Касволл, дед нынешнего наследника, да и тот пробыл тут недолго. Его собственный дед, тоже по имени Эдгар (они из поколения в поколение сохраняют это родовое имя) в пух и прах рассорился с семьей и уехал на чужбину, оборвав с родней всякие связи. Правда, тот Эдгар, о котором я упомянул сначала, все же посетил когда-то отчий дом; однако его сын родился, прожил и умер на чужбине, а внук, нынешний полноправный хозяин, также родился за границей и оставался там до тридцати с лишним лет – своего нынешнего возраста. Это была уже вторая волна затянувшегося отсутствия хозяев. Великое имение Кастра Регис не знало твердой руки владельца на протяжении пяти поколений – более ста двадцати лет. Впрочем, управляли им на совесть, и ни у арендаторов, ни у кого-либо другого не было поводов для жалоб. И все же вполне естественно, что округу сжигает лихорадочное любопытство: всем не терпится увидеть нового господина, мы все заинтригованы его прибытием. Даже я, хоть и владею собственным поместьем, которое, будучи соседним, совершенно независимо от Кастра Регис… А вот теперь, погляди, мы вступаем на новые для тебя земли. Вон там, вдали, высится шпиль Солсберийского собора; а когда мы оставим его позади, начнется старинное римское графство, и тут тебе надо глядеть в оба глаза. Так что скоро нам придется погрузиться в дух древней Мерсии. Впрочем, разочарован ты не будешь. Мой старый друг, сэр Натаниэль де Салис, который, как и я, владеет независимым поместьем подле Кастра Регис – его замок, Дум-Тауэр, расположен уже на границе Дербишира, в районе Пик, – прибывает ко мне в гости к началу торжеств в честь Эдгара Касволла. Это человек редкого ума, он непременно тебе понравится. Он страстно предан истории и возглавляет Мерсийское археологическое общество. Он знает о нашем крае, его преданиях и людях больше, чем кто-либо на свете. Полагаю, он приедет раньше нас, и за ужином мы сможем втроем всласть побеседовать. Ко всему прочему, он наш главный местный геолог и натуралист, так что общих тем у вас найдется в избытке. Среди прочего, он до тонкостей изучил Пик и его загадочные пещеры, равно как и все древние мифы доисторических эпох.

Ночь они провели в Челтнеме, а на следующее утро возобновили свой путь к Стаффорду. Адам то и дело всматривался в проплывающие пейзажи, и лишь когда Солтон объявил, что они вышли на финальную дорогу, юноша снова заговорил о приезде сэра Натаниэля.

Когда вечерние сумерки уже сгустились, колеса экипажа зашуршали по гравию Лессер-Хилла, усадьбы мистера Солтона. Было слишком темно, чтобы разглядеть детали. Адам успел лишь заметить, что дом покоился на вершине холма, уступавшего высотой соседней возвышенности, которую венчал величественный замок; на его башне трепетал на ветру огромный флаг, а само здание сверкало россыпью блуждающих огней – там явно шла лихорадочная подготовка к завтрашнему торжеству. Адаму пришлось отложить свое любопытство до рассвета. У дверей дома их встретил благообразный старик, который тепло поприветствовал прибывших:

– Я приехал пораньше, как ты и просил, Ричард. Полагаю, это и есть твой внучатый племянник? Рад знакомству, мистер Адам Солтон. Я Натаниэль де Салис, а ваш дядя – один из старейших и вернейших моих друзей.

С первой же секунды, как их глаза встретились, Адам ощутил, будто они знакомы целую вечность. Эта встреча добавила еще одну теплую, приветственную ноту к тем, что уже согревали его душу в эти дни.

Искренность, с которой сэр Натаниэль и Адам отнеслись друг к другу, заметно облегчила беседу. Сэр Натаниэль оказался тонким светским человеком, много повидавшим на своем веку и глубоко изучившим многие научные вопросы. Он был блестящим рассказчиком, что выдавало в нем успешного дипломата, способного очаровать собеседника в любых обстоятельствах. Но неподдельное восхищение молодого человека и его жадное желание впитывать знания тронули сердце старого ученого и придали ему вдохновения. Беседа, начавшаяся в дружеском тоне, вскоре разгорелась с такой силой, что, как признался старик на следующий день Ричарду Солтону, этот юноша оказался «высшей пробы». Сэр Натаниэль знал, что его друг желает как можно подробнее просветить племянника насчет дел, которые занимали их мысли, и потому еще по дороге из Дум-Тауэра привел свои мысли в строгий порядок. Адаму оставалось только слушать – и перед ним одна за другой открывались тайны, которые он так жаждал разгадать.

Когда с ужином было покончено и слуги удалились, оставив троих мужчин за бокалом доброго вина, сэр Натаниэль взял слово:

– Насколько я понял из рассказов твоего дяди… кстати, полагаю, нам лучше звать друг друга просто дядей и племянником, не вдаваясь в хитросплетения генеалогического древа. По правде говоря, твой дядя – настолько старый и дорогой мой друг, что, с твоего позволения, Адам, я отброшу всякие церемонии и буду обращаться к тебе просто по имени, словно к родному сыну.

– О лучшем приеме я не смел и мечтать, сэр, – с улыбкой отозвался юноша.

Этот ответ согрел сердца обоих стариков; но, по извечной английской привычке избегать излишней сентиментальности в разговорах о себе, они инстинктивно перевели тему в прежнее русло. Сэр Натаниэль вновь завладел вниманием компании:

– Насколько я понимаю, Адам, дядя уже обрисовал тебе в общих чертах историю семейства Касволлов?

– Лишь в общих чертах, сэр; но я надеялся услышать более подробный рассказ из ваших уст, если вы будете так любезны.

– С великим удовольствием поделюсь всем, что мне известно. Итак, первый Касволл, о котором у нас сохранились достоверные сведения, – это Эдгар, глава рода и полновластный хозяин поместья, вступивший в свои права примерно в те же годы, когда на британский престол взошел король Георг III. У него подрастал сын лет двадцати четырех. И вот между ними вспыхнула жестокая, непримиримая ссора. Никто из нынешнего поколения не имеет ни малейшего представления о ее причинах; но, зная крутой нрав этой фамилии, мы можем смело утверждать: хотя раздор был глубоким и яростным, поводом к нему послужил сущий пустяк.

Следствием этой бури стало то, что сын покинул отчий край, так и не примирившись с отцом и даже не обмолвившись, куда держит путь. Больше он никогда не ступал на родной порог. Спустя годы он скончался на чужбине, за все это время не обменявшись с родителем ни единым словом, ни единой строчкой. Там, за границей, он женился, и после него остался единственный сын, которого, судя по всему, воспитали в полном неведении о его законном наследии. Пропасть между двумя ветвями казалась непреодолимой; шло время, этот сын тоже женился и в свою очередь произвел на свет мальчика, но ни радости, ни горести не могли соединить разорванные узы. В подобных условиях не приходилось ждать родственной теплоты, и место семейной привязанности – да и простой общности интересов – заняло глухое, абсолютное равнодушие, замешанное на неведении. Лишь благодаря бдительности стряпчих о

рождении нового наследника вообще стало известно. В свое время он действительно провел несколько месяцев в замке предков.

После этого все семейные интересы свелись исключительно к вопросу наследования колоссального имущества. Поскольку за прошедшие годы в новых поколениях не прибавлялось детей, все надежды рода теперь сосредоточены на внуке этого человека.

Теперь тебе не лишним будет запомнить главные, доминирующие черты этой породы. Они удивительно стойко передаются из поколения в поколение и ничуть не изменились; все до единого Касволлы как под копирку: холодны, эгоистичны, властны и абсолютно безрассудны в отношении последствий, когда речь заходит об их собственной воле. Не то чтобы они прямо нарушали данное слово, хотя чужие интересы их мало заботили; просто они на шаг вперед просчитывали, что необходимо предпринять для достижения цели. Если же они допускали промах, расплачиваться за него неизменно приходилось кому-то другому. Это повторялось с такой регулярностью, что казалось частью их твердой жизненной стратегии. Неудивительно, что при любых исторических потрясениях они ухитрялись сохранять свои богатства в целости и сохранности. По натуре своей это были люди из кремня и льда. Ни один из них, насколько помнят предания, никогда не поддавался мимолетной нежности, не сворачивал с намеченного пути и не опускал руки из сострадания. Все их портреты и фамильные гравюры кричат о принадлежности к древнему римскому типу. Глаза навыкате, полные скрытого огня; волосы, черные как вороново крыло, растут густо, низко и вьются мелкими прядями. Фигуры их массивны и являют собой истинный образец первобытной силы.

Густая черная шевелюра, спускающаяся низко на шею, выдает колоссальную физическую мощь и выносливость. Но самая поразительная, магнетическая их черта – это глаза. Черные, пронзительные, почти невыносимые для прямого взгляда, они словно таят в себе непреодолимую силу воли. Это сила отчасти расовая, отчасти индивидуальная – властная энергия, напоенная каким-то мистическим свойством, сродни гипнозу или месмеризму. Кажется, будто этот взгляд начисто лишает всякого, кто с ним столкнется, способности сопротивляться – более того, отпадает само желание спорить. Перед такими глазами, вправленными в эти властные, суровые лица, нужно быть поистине титаном, чтобы хотя бы помыслить наперекор несгибаемой воле, скрывающейся за ними.

Тебе может показаться, Адам, что все это – лишь плод моей фантазии, тем более что я в глаза не видел ни одного из представителей этого рода. Отчасти так оно и есть; но это выводы, основанные на глубоком и скрупулезном изучении документов. Я сопоставил все, что знаю или могу логически вывести об этой странной породе. Стоит ли удивляться, что при таких пугающих деталях среди простого люда живет упорное поверье о некоем демоническом проклятии этого дома? Местные свято верят, будто отдельные представители рода в былые времена продали душу дьяволу.

Впрочем, теперь, друг мой, нам пора расходиться по спальням. Завтра нас ждет насыщенный день, и мне хочется, чтобы твоя голова была свежей, а восприятие – острым. К тому же я планирую увлечь тебя на раннюю утреннюю прогулку; тогда, пока наш разговор еще жив в памяти, мы сможем внимательно изучить топографию этих мест – не только усадьбу твоего дяди, но и всю округу. Есть немало загадок, разгадку к которым мы можем поискать – и, бог даст, найдем – именно в ландшафте. Чем больше мы выясним с самого начала, тем понятнее станут для нас события, свидетелями которых мы можем оказаться в будущем.

Глава III
Роща Дианы

Любопытство подняло Адама Солтона с постели на самом рассвете; но когда он оделся и спустился в гостиную, оказалось, что сэр Натаниэль, как рано ни встал Адам, уже успел его опередить. Почтенный джентльмен был полностью готов к долгой пешей прогулке, и они без промедления отправились в путь.

Сэр Натаниэль, не проронив ни слова, повел юношу на восток, вниз по склону. Когда они миновали лощину и вновь поднялись наверх, то очутились на восточной оконечности крутого скалистого уступа. Этот холм уступал высотой тому, на котором покоился Замок, однако его расположение позволяло господствовать над всей венчавшей гряду холмистой цепью. Вдоль всего хребта из земли пробивалась обнаженная, суровая порода, изломанная дикими природными зубцами, удивительно напоминавшими крепостные стены. По своей форме гряда напоминала гигантскую дугу, у которой высшие точки уходили в глубь суши, к западу. В самом центре этой дуги, на неприступной круче, высился Замок. Между хаотичными скалистыми выступами теснились перелески разной величины, а в густой зелени некоторых из них в нежных лучах утреннего солнца угадывалось нечто, напоминавшее древние руины. Эти постройки – чем бы они ни являлись в прошлом – были сложены из массивных глыб серого камня, скорее всего известняка, грубо отесанного, если только сама природа за долгие века не придала ему столь правильные очертания. Склон хребта на всем его протяжении был обрывист; местами он уходил вниз настолько круто, что и вековые деревья, и зубчатые скалы, и замшелые строения, казалось, грозили обрушиться на расстилавшуюся далеко внизу равнину, изрезанную серебряными нитями многочисленных ручьев.

Сэр Натаниэль остановился и замер, словно стараясь впитать каждую деталь этой величественной панорамы. Солнце уже взошло на востоке, очерчивая контуры ландшафта безупречно четко. Широким, величественным жестом старик указал вдаль, призывая Адама оценить весь грандиозный масштаб открывшегося вида. Затем он медленно повел рукой, словно приглашая всмотреться в отдельные подробности ландшафта. Адам оказался прилежным и чутким учеником; он ловил каждое движение своего проводника, стараясь не упустить ни единой мелочи.

– Я привел тебя сюда, Адам, поскольку убежден: именно отсюда нам и следует начинать наши изыскания. Сейчас перед твоим взором лежит едва ли не все древнее королевство Мерсия. По сути, мы видим его как на ладони, за исключением самых дальних рубежей, скрытых за скалами, и тех земель, что прячутся за возвышенностью прямо к западу от нас. Отсюда мы способны охватить взглядом всю восточную границу королевства, тянувшуюся на юг от Хамбера до залива Уош. Мне важно, чтобы ты в подробностях запомнил топографию этой местности: рано или поздно нам очень пригодится этот внутренний ориентир, когда мы примемся разбирать старинные предания и суеверия, пытаясь отыскать в них зерно истины. Любая легенда, любое темное поверье, дошедшее до наших дней, способно послужить ключом к разгадке остальных. А поскольку все они выросли из этой земли, мы сумеем приблизиться к разгадке, если будем соотносить их с местными условиями. Это позволит нам опереться и на законы геологии, которыми мы с тобой располагаем. К примеру, строительный материал, использовавшийся в разные эпохи, может многое поведать искушенному взгляду. Сами эти высоты, очертания и порода холмов – да и вся эта бескрайняя долина между нами и морем – таят в себе сюжеты для целых научных трудов.

– Какого рода сюжеты, сэр? – спросил Адам, воспользовавшись паузой.

– Ну, взгляни хотя бы на те холмы, что кольцом окружают главный пик, где столь удачно было выбрано место для Замка – на самой неприступной круче. Присмотрись к остальным. В

каждом из них скрывается нечто очевидное и, с еще большей вероятностью, нечто невидимое, недоказуемое, но явственно предстающее перед мысленным взором.

– Что именно, например? – полюбопытствовал Адам.

– Давай разберем их по порядку. Вон тот холм к востоку, у подножия которого густой лес, когда-то служил местом для римского храма, который, скорее всего, был возведен на руинах еще более древнего друидического святилища. Его название прямо указывает на первое, а вековая дубовая роща наводит на мысли о втором.

– Поясните, пожалуйста, сэр.

– Его древнее имя в переводе означает «Роща Дианы». Следующий холм, что высится чуть дальше и выше, зовется «Мерси» – по всей видимости, это искаженное временем народное название «Мерсии», в котором скрыта латинская игра слов. Из старинных манускриптов нам известно, что когда-то это место именовалось Vilula Misericordiae. Изначально здесь располагалась женская обитель, заложенная королевой Бертой, но позже до основания разрушенная королем Пендой, который после миссии святого Августина вновь обратился к жестокому язычеству. Следом идет усадьба твоего дяди – Лессер-Хилл. Несмотря на опасную близость к Замку, она никогда от него не зависела. Это вольное, независимое владение, и, насколько нам известно, столь же древнее, как и сам Замок. Оно испокон веков принадлежало вашему роду.

– Значит, теперь остался лишь сам Замок!

– Именно так; однако, его летопись вбирает в себя хроники всех окрестных земель, а по большому счету – всю историю ранней Англии.

Заметив, с каким затаенным дыханием Адам ждет продолжения, сэр Натаниэль заговорил вновь:

– Летопись Замка до конца неизвестна. Самые глубокие хроники, догадки или логические выводы ученых просто принимают его существование как незыблемый факт. Кое-какие из этих – назовем их так – гипотез указывают на то, что некое укрепление высилось на этой скале еще до прихода римских легионов; следовательно, это место обладало весом еще в эпоху друидов, если только они сами его не основали. Разумеется, римляне прибрали его к рукам, как делали всегда и со всем, что могло принести практическую пользу. Эта веха запечатлена в самом названии – Castra. Это была самая высокая, естественно защищенная точка, и она закономерно превратилась в один из их ключевых лагерей. Взгляд на карту убедит тебя, что этот узел имел колоссальное стратегическое значение. Он одновременно позволял стеречь уже завоеванные северные рубежи и держать под контролем морское побережье. Он прикрывал западные скалы, за которыми начинался дикий Уэльс – где была постоянная угроза. Отсюда открывался прямой выход к Северну, вдоль которого в те времена прокладывались великие римские дороги, что обеспечивало идеальный водный путь к самому сердцу Британии – по Северну и его притокам. Лагерь связывал восток и запад кратчайшими и наиболее удобными путями, какие только знала та эпоха. И наконец, отсюда можно было беспрепятственно спуститься к Лондону и ко всем землям, питаемым Темзой.

Располагая столь мощным, уже обустроенным центром, легко понять, почему каждые новые завоеватели – будь то англы, саксы, датчане или норманны – видели в нем лакомый кусок и стремились сохранить его стены. В те суровые века это была просто ключевая позиция. Но когда победоносные римляне возвели здесь тяжелые, неприступные для тогдашнего оружия каменные фортификации, одно лишь это положение гарантировало крепости должное содержание и блестящее оснащение. Так укрепленный лагерь цезарей переродился в королевский замок. Поскольку имена первых владык Мерсии скрыты от нас во тьме веков, ни один историк не берется утверждать, кто именно из них превратил эту цитадель в свой последний оплот; боюсь, теперь нам этого уже никогда не узнать.

С течением времени, по мере развития военного дела, цитадель разрасталась, становясь все мощнее и грознее; и пусть письменных свидетельств не хватает, история замка запечатлена

не только в камне его бастионов, но и читается в метаморфозах самой его архитектуры. Стремительные потрясения, хлынувшие вслед за нормандским завоеванием, безжалостно стерли мелкие следы прошлых эпох, оставив лишь собственные шрамы. Сегодня мы воспринимаем его как один из первейших замков эпохи Завоевания, возведенный, вероятно, не позднее правления Генриха I. И римляне, и норманны выказывали дальновидность, сохраняя опорные пункты, доказавшие свою пользу. Вот почему окружающие высоты, чье значение было проверено временем, уцелели. Более того, особенности, присущие им издревле, дожили до наших дней и служат нам безмолвными свидетелями эпох, которые давно обратились в прах.

Что ж, это касается оборонительных высот; но и низины, уверяю тебя, таят в себе немало загадок. Однако как же быстро летит время! Нам пора поспешить к дому, иначе твой дядя всерьез обеспокоится, не стряслось ли с нами чего в пути.

Он развернулся и размашистым, быстрым шагом направился в сторону Лессер-Хилла, так что Адаму вскоре пришлось едва ли не трусцой бежать следом, чтобы не отстать от своего спутника.

Глава IV
Леди Арабелла Марч

– Теперь спешить особенно некуда, но, как только вы оба будете готовы, мы выедем, – заметил мистер Солтон, едва начался завтрак. – Я хочу прежде всего показать тебе примечательную реликвию Мерсии, а затем мы покатим в Ливерпуль через так называемую Великую Чеширскую долину. Возможно, ты будешь несколько разочарован, но смотри не настраивайся заранее, – это замечание предназначалось Адаму, – на что-нибудь грандиозное или героическое. Ты вообще вряд ли счел бы это место долиной, если бы тебе не сказали об этом заранее. Нам нужно прибыть к дебаркадеру точнехонько к сроку, чтобы встретить пароход «Уэст Африкан» и перехватить мистера Касволла, едва он ступит на берег. Нам хочется оказать ему должную честь; да и, кроме того, куда приятнее покончить с официальными представлениями до того, как мы отправимся на его празднество в Замок.

Экипаж был подан – тот самый, каким они пользовались накануне, но четверку коней сменили: теперь в упряжке шли великолепные, холеные животные, так и рвавшиеся в бой. С завтраком было покончено в один миг, и вскоре путешественники заняли свои места. Форейторы получили короткий приказ, и карета с приятным ветерком покатила вперед.

Через некоторое время, повинуясь знаку мистера Солтона, кучер осадил коней напротив раскинувшейся у обочины внушительной груды камней.

– Вот, Адам, – произнес старик, – то самое место, мимо которого ты не должен проехать без должного внимания. Этот курган переносит нас прямиком к рассвету старинного английского королевства. Его начали складывать больше тысячи лет назад – во второй половине седьмого века – в память о жестоком злодеянии. Здесь Вульфер, тогдашний король Мерсии и племянник грозного Пенды, собственноручно лишил жизни двух своих сыновей за то, что те тайно приняли христианскую веру. По обычаю тех суровых времен каждый путник, проходивший мимо, обязан был добавить к памятному кургану свой камень. Сам Пенда, как ты помнишь, олицетворял яростную языческую реакцию, вспыхнувшую после миссии святого Августина. Сэр Натаниэль при желании поведает тебе об этой эпохе целые тома и, если захочешь, укажет на самые точные исторические хроники, какие только уцелели.

Пока они внимательно разглядывали замшелый курган, рядом с ними с тихим скрипом остановился другой экипаж, и его единственный пассажир принялся с явным любопытством наблюдать за ними. Это была старинная, тяжелая дорожная карета, чьи лакированные дверцы украшал пышный фамильный герб. Мужчины учтиво обнажили головы, пока находившаяся внутри дама обратилась к ним:

– Добрый день, сэр Натаниэль! Здравствуйте, мистер Солтон! Надеюсь, у вас в дороге не случилось никакой беды? А вот поглядите-ка на меня!

С этими словами она указала из окна на тяжелую рессору своего экипажа, которая лопнула пополам; свежий излом металла ярко и зловеще поблескивал на солнце. Адам, не колеблясь ни секунды, сказал:

– О, это пустяки, дело можно быстро исправить.

– Быстро? – удивленно приподняла брови дама. – Но ведь поблизости нет ни одной живой души, кто сумел бы совладать с такой поломкой.

– Я сумею.

– Вы? – Она с явным недоверием окинула взглядом щеголеватого, безупречно одетого молодого джентльмена. – Вы? Но ведь это работа для простого ремесленника.

– Что ж, в эту минуту я и есть ремесленник, хотя это далеко не единственное мое ремесло. Я австралиец, а поскольку на наших просторах приходится передвигаться без промедления,

нас с юных лет обучают кузнечному делу и прочим механическим хитростям, незаменимым в пути. Я полностью к вашим услугам, леди.

– Я право не знаю, как и благодарить вас за подобную любезность, которой, впрочем, охотно воспользуюсь. Иного выхода у меня просто нет: мне кровь из носу нужно встретить мистера Касволла из Кастра Регис, который сегодня возвращается в родные пенаты из самой Африки. Это поистине эпохальное событие; вся округа спит и видит, как бы выказать ему почтение.

Она проницательно перевела взгляд на спутников юноши и без труда разгадала инкогнито незнакомца.

– Вы, должно быть, и есть мистер Адам Солтон из Лессер-Хилла? А я леди Арабелла Марч из Рощи Дианы.

Произнося эти слова, она слегка повернула голову к мистеру Солтону; тот уловил безмолвный намек и по всей форме представил молодых людей друг другу.

Едва светская церемония завершилась, Адам извлек из ящика дядиной кареты несколько плотницких и кузнечных инструментов и принялся за лопнувшую рессору. В руках мастера работа спорилась, и вскоре поломка была устранена. Адам уже собирал разбросанный в дорожной пыли инструмент – как это всегда бывает у увлекшихся делом мастеров, – когда краем глаза заметил, что из расщелин каменного кургана бесшумно выползло несколько черных гадюк и принялось кольцами свиваться у его ног. Это зрелище, разумеется, приковало его внимание, и он на мгновение замер, как вдруг дверца старинной кареты распахнулась, и леди Арабелла скользнула наружу быстрым, неуловимо плавным движением. Она оказалась в самой гуще змеиного клубка прежде, чем он успел выкрикнуть предупреждение. Но его крик оказался излишним. Змеи резко отпрянули и с несвойственной им прытью бросились врассыпную, скрываясь в камнях кургана. Юноша про себя усмехнулся и едва слышно процедил сквозь зубы:

– Что ж, тут бояться нечего. Похоже, эти твари трепещут перед ней куда сильнее, чем она перед ними.

Тем не менее он с чисто австралийской привычкой человека, выросшего среди ядовитых гадов, принялся на всякий случай околачивать землю тяжелой палкой. Через мгновение у подножия древнего памятника остались лишь они двое – он и леди Арабелла, которая выказывала абсолютное, ледяное равнодушие к случившемуся. Тогда он впервые всмотрелся в нее по-настоящему внимательно, и одного ее наряда было достаточно, чтобы поразить воображение. Она была облачена в платье из тончайшей, струящейся белой материи, которая столь плотно облегала ее безупречную фигуру, что подчеркивала каждое движение гибкого, словно лишенного костей тела. На голове ее красовалась плотная облегающая шапочка из нежного меха ослепительной белизны. А вокруг бледной шеи прихотливыми кольцами змеилось массивное изумрудное ожерелье, чья глубокая зеленая роскошь буквально ослепляла, когда на камни падали прямые солнечные лучи. Голос ее манил странной интонацией: он был непривычно низким, вкрадчиво-сладким и настолько мягким, что в нем отчетливо сквозило легкое, завораживающее шипение. Руки ее тоже отличались редким своеобразием – длинные, тонкие, мертвенно-белые кисти двигались как-то причудливо, словно плавно колыхались из стороны в сторону в такт невидимым волнам.

Она держалась с абсолютной непринужденностью и, изысканно поблагодарив Адама, обронила, что если кто-то из компании его уважаемого дяди держит путь в Ливерпуль, она сочла бы за честь объединить экипажи.

– Пока вы гостите в наших краях, мистер Солтон, вы должны считать угодья Рощи Дианы своими собственными и бывать там так же свободно, как в Лессер-Хилле. Здешние места славятся дивными видами и немалым числом природных диковин, которые наверняка очаруют вас, если вы неравнодушны к естественной истории – особенно к тем ее далеким вехам, когда наш мир был еще юн.

Сердечность ее речей и внешняя теплота приглашения – при том, что сами манеры леди оставались подчеркнуто холодными, почти отчужденными – заронили в душу юноши легкое подозрение. Между тем и дядя, и сэр Натаниэль вежливо поблагодарили ее за любезность, от которой, впрочем, вынуждены были отказаться ввиду неотложных планов. Адаму показалось, что за ее вежливым сожалением скрывалось явное облегчение. Когда он занял свое место в карете подле двух стариков и кони тронулись, слова сэра Натаниэля ничуть его не удивили:

– Не мог отделаться от ощущения, что она была несказанно рада избавиться от нашей компании. В одиночку ей куда удобнее вести свою игру.

– О какой игре речь, сэр? – полюбопытствовал Адам.

– Вся округа знает ее как облупленную, мой мальчик. Новый хозяин Кастра Регис сказочно богат. Ее покойный супруг тоже слыл богачом, когда вел ее под венец, – по крайней мере, пускал пыль в глаза. Но едва он наложил на себя руки, выяснилось, что за душой у него ни гроша, а родовое имение заложено-перезаложено до последнего дюйма. Ее единственное спасение от долговой ямы – новый, еще более выгодный брак. Полагаю, выводы излишни; ты парень сметливый, сам все понимаешь.

Почти всю дорогу через так называемую Чеширскую долину Адам провел в глубоком молчании. В пути он взвесил многие обстоятельства и пришел к решениям, хотя ни единым словом не выдал своих мыслей. Одно из этих решений сводилось к тому, что отныне он будет предельно осторожен и ни за что на свете не станет выказывать леди Арабелле лишних знаков внимания. Он и сам был человеком весьма состоятельным – настолько состоятельным, что об истинных размерах его золотого запаса не догадывался даже родной дядя, который, узнай он правду, был бы безмерно изумлен.

Остаток пути пролетел без происшествий, и, едва прибыв в Ливерпуль, путешественники поднялись на борт «Уэст Африкан», который только что ошвартовался у дебаркадера. Там старший мистер Солтон представился мистеру Касволлу, после чего представил ему сэра Натаниэля и племянника. Новоиспеченный хозяин поместья встретил их весьма учтиво, заметив, какое это ни с чем не сравнимое удовольствие – возвращаться к родным пенатам после столь долгого изгнания его рода из старинного гнезда. Адам поначалу обрадовался теплому тону встречи, однако никак не мог побороть глухое, инстинктивное отвращение, которое вызывало в нем само лицо этого джентльмена. Он честно пытался справиться с этим чувством, когда всеобщее внимание отвлекла внезапно появившаяся леди Арабелла. Это вмешательство оказалось как нельзя кстати для всей компании: и оба Солтона, и сэр Натаниэль были втайне потрясены обликом Касволла – настолько жестким, беспощадным, эгоистичным и властным показался им этот человек. «Боже упаси каждого, – пронеслась в головах мужчин единая мысль, – кому суждено оказаться под началом такого господина!»

Вскоре к Касволлу приблизился его чернокожий слуга, привезенный из глубин Черного континента, и мысли присутствующих приняли иное направление. Сам Касволл при всей своей суровости выглядел скорее культурным дикарем: в нем еще угадывался лоск вековой цивилизации, проблески высших инстинктов и воспитания породистого человека, какими бы зыбкими они ни казались. Но лицо Уланги – так хозяин окликал своего раба – являло собой портрет дикаря первобытного, не смягченного культурой. В его чертах сквозили все пугающие, звериные повадки темного, одержимого древними духами дитя тропических лесов и топких болот – низшего из существ, которое лишь внешне могло претендовать на звание человека.

Леди Арабелла и Уланга предстали перед обществом почти одновременно, и Адам с замиранием сердца подметил, какое странное впечатление они произвели друг на друга. Гордая дама словно не желала – да и физически не могла – снизойти до малейшего интереса к подобному существу. С другой стороны, повадки негра с лихвой оправдывали ее надменность. Он вел себя с ней не просто как раб перед госпожой, а как истовый фанатик перед ликом грозного божества. Он без сил рухнул перед ней на колени, простерев руки и припав лбом к дорож-

ной пыли. Пока леди оставалась неподвижной, черный слуга не смел пошевелить ни единым мускулом; и лишь когда она проплыла мимо к Касволлу, он поднялся из своей благоговейной позы и почтительно замер поодаль.

Адам негромко подозвал своего верного слугу Давенпорта, который прибыл следом за каретой мистера Солтона на легком экипаже. Вполголоса переговорив с ним, Адам указал на расторопного корабельного стюарда, и вскоре слуга уже о чем-то оживленно беседовал с матросом.

– Думаю, нам пора собираться, – прервал затишье мистер Солтон, коснувшись плеча Адама. – У меня накопилось несколько неотложных дел здесь, в Ливерпуле, да и мистеру Касволлу с леди Арабеллой наверняка не терпится поскорее отбыть в Кастра Регис.

– Мне тоже, сэр, необходимо отлучиться по одному важному делу, – отозвался Адам. – Мне нужно разыскать лавку Росса, торговца экзотическими животными. Я бы хотел приобрести и привезти домой одного небольшого зверька, если вы, конечно, не против. Он совсем крошечный и не доставит никому хлопот.

– Полно тебе, разумеется, я не против, мой мальчик. Что за диковинного зверя ты задумал купить?

– Мангуста.

– Мангуста?! – изумился старик. – Зачем, ради всего святого, он тебе сдался?

– Чтобы убивать змей.

– А-а, вот оно что! – Старик мгновенно вспомнил недавнюю сцену у каменного кургана. Лишних объяснений не потребовалось.

Когда лавочник Росс выслушал настойчивую просьбу молодого джентльмена, он деловито уточнил:

– Вам нужен самый обыкновенный зверек или вы ищете нечто особенное?

– Разумеется, мне нужно сильное и здоровое животное. Но вряд ли стоит переплачивать. Мне для самого простого дела.

– Что ж, обычных мангустов у меня в достатке, выбирайте любого. Я спросил лишь потому, что буквально на днях получил совершенно уникальный экземпляр прямиком из Непала. У этого малого завидная репутация: он в одиночку одолел королевскую кобру, которая повадилась шастать в личных покоях раджи. Впрочем, в наших широтах подобные чудовища не водятся, так что обыкновенный зверек сгодится с лихвой.

Когда Адам вернулся к экипажу, бережно прижимая к груди деревянный ящик с новым питомцем, сэр Натаниэль удивленно вскинул брови:

– Ба! Что это за ноша у тебя в руках?

– Мангуст, сэр.

– И для каких же надобностей?

– Истреблять гадюк!

Сэр Натаниэль весело, раскатисто рассмеялся:

– А я ведь отчетливо слышал, как леди Арабелла зазывала тебя в гости в Рощу Дианы.

– Ну и какая же тут связь, сэр?

– Прямой связи, насколько мне известно, нет никакой. Но поживем – увидим.

Адам замер в ожидании, и старик после короткой паузы продолжал:

– Ты случайно не знаешь, как в глубокой древности именовали это самое поместье?

– Нет, сэр.

– Его звали… Впрочем, постой, эта история не терпит суеты. Давай дождемся минуты, когда мы останемся вдвоем, и у нас будет вагон времени.

– Хорошо, сэр.

Адама буквально распирало от любопытства, но он рассудил, что лучше не торопить события. Всему свой черед. Вскоре трое мужчин двинулись в обратный путь, оставив мистера Касволла коротать ночь в одной из лучших гостиниц Ливерпуля.

На следующее утро компания из Лессер-Хилла в полном составе отбыла на торжества в Кастра Регис, и на какое-то время Адам напрочь позабыл и о Роще Дианы, и о тех мрачных тайнах, которые она скрывала в былые эпохи – а возможно, таила в себе и поныне.

Гости стекались к замку необозримыми толпами, и для именитых особ были отведены лучшие, специально огороженные места. Адам, озираясь по сторонам и видя вокруг множество людей самого разного звания, тщетно искал глазами белые одежды леди Арабеллы. И лишь когда вдали показался знакомый старомодный экипаж, а толпа разразилась приветственными криками, он понял, что на праздник прибыл сам Эдгар Касволл. Присмотревшись внимательнее, юноша заметил, что рядом с хозяином на бархатных подушках сидит леди Арабелла, облаченная точно в такое же платье, как и при их первой встрече. Едва карета замерла у парадной лестницы, Касволл легко соскочил на землю и галантно подал ей руку.

Для всей округи стало очевидно: именно эта дама – главная королева сегодняшнего праздника. Вскоре все места на парадном возвышении были заняты, а арендаторы и менее знатные гости заполнили лужайки. Распорядок дня был выверен комитетом до минуты. Прозвучало несколько торжественных речей – к великой радости собравшихся, кратких и неизнурительных, – после чего в официальной части наступил перерыв до начала званого пира. В это время Касволл спустился к народу, непринужденно беседуя с арендаторами и выказывая всеобщее радушие. Остальные знатные господа последовали его примеру, и вскоре на лужайках завязалось веселое, непринужденное общение между аристократией и простым людом.

Адам Солтон, разумеется, жадно впитывал новые впечатления, подмечая каждого, кто выделялся из общей массы. Он был молод, полон сил и к тому же прибыл из далекого края; вполне естественно, что его взор куда охотнее останавливался на хорошеньких женщинах, нежели на мужчинах. В толпе мелькало немало прелестных девичьих лиц, да и сам Адам – статный, широкоплечий красавец – то и дело ловил на себе восхищенные взгляды местных кокеток. Впрочем, они мало его трогали, и он оставался совершенно равнодушен к этим знакам внимания, пока мимо не прошла колоритная троица, судя по простому, но добротному платью принадлежавшая к почтенному фермерскому сословию. Впереди шел крепкий старик; следом – две очаровательные девушки: одна чуть старше двадцати, другая – совсем юная. Едва глаза Адама встретились с взглядом младшей из сестер, стоявшей ближе всего к нему, между ними словно пробежал невидимый электрический разряд – та самая искра, которая рождается мгновенным узнаванием и завершается полным принятием. Люди с незапамятных времен зовут это чувство любовью.

Оба его спутника тут же подметили, с каким замиранием сердца Адам провожает взглядом юную красотку, и поспешили просветить юношу, отчего его сердце забилось еще сильнее.

– Приметил эту троицу, что прошла мимо нас? – негромко проговорил дядя. – Тот почтенный старик – Майкл Уотфорд, один из самых уважаемых арендаторов в угодьях мистера Касволла. Он держит ту самую ферму Мерси, которую сэр Натаниэль показывал тебе сегодня на рассвете. А девицы – его родные внучки. Старшая, Лилла, – единственная дочь его первенца, который безвременно скончался, когда малютке не исполнилось и года. Ее мать ушла в мир иной в тот же самый день. Славная девочка – добрая душой настолько же, насколько ангельски красива. А вторая – ее двоюродная сестра, дочь младшего сына Уотфорда. Едва парню стукнуло двадцать, он завербовался в солдаты и уплыл за океан. Весточки домой подавал нечасто, хоть и был любящим сыном. Пришло от него пара писем, а после старик получил страшную депешу от полкового командира: его мальчика убили дакойты в глухих лесах Бирмы. Из того же письма выяснилось, что на чужбине солдат успел обвенчаться с местной бирманкой и после него осталась крошечная годовалая дочурка. Уотфорд не задумываясь выписал сиротку на

родину, и она выросла здесь, бок о бок с Лиллой. Единственное, что напоминало о ее восточном происхождении, – это экзотическое имя: Мими. Девочки с младенчества души друг в друге не чают. Удивительно, до чего же они разные! Лилла – вся светлая, хрупкая, истинная дочь старинного саксонского рода, от которого ведет начало их семья. А в облике Мими явственно читается жгучая кровь ее матери. Лилла кротка и беззащитна, словно голубка, но вот черные, как смоль, глаза Мими способны метать гром и молнии, стоит ей не на шутку рассердиться. А рассердиться она может лишь по одной причине: если кто-то посмеет напугать или огорчить ее любимую сестру. В такие минуты ее взгляд вспыхивает тем самым яростным огнем, какой загорается в глазах дикой птицы, когда над ее гнездом нависает смертельная угроза.

Глава V
Белый Червь

Мистер Солтон представил Адама мистеру Уотфорду и его внучкам, и дальше вся компания двинулась вместе. Разумеется, соседи, находившиеся в положении Уотфордов, знали об Адаме Солтоне решительно все: и о его близком родстве со старым землевладельцем, и о его завидном состоянии, и о блестящих видах на будущее. Было бы поистине странно, если бы молодые девушки не начали втайне мечтать о столь многообещающем знакомстве. В сельской Англии достойные женихи любого звания – большая редкость. Этот же юноша казался партией особенно желанной, поскольку прибыл из краев, где сословные предрассудки и преграды, столь крепкие в старой Европе, попросту не существовали. Поэтому, едва окружающие подметили, что Адам идет подле Мими Уотфорд и явно ищет ее общества, все друзья семьи приложили немало деликатных усилий, чтобы поспособствовать этому многообещающему союзу. Когда гулкие удары гонгов возвестили о начале званого пира, Адам рука об руку с Мими вошел под своды просторного шатра, где были отведены места для ее деда. Мистер Солтон и сэр Натаниэль обратили внимание, что молодой человек так и не явился занять свое законное кресло за столом на парадном возвышении; однако они прекрасно поняли причину и не позволили себе ни единого замечания – вернее сказать, даже видом не подали, что заметили его отсутствие.

Леди Арабелла, как и прежде, сидела по правую руку Эдгара Касволла. Она, вне всякого сомнения, была женщиной редкой стати и магнетической, причудливой красоты, и всей округе казалось совершенно естественным, что именно она, по праву своего знатного происхождения и личного обаяния, стала избранной спутницей наследника при его первом выходе в свет. Разумеется, никто из благородных господ не решался говорить об этом во всеуслышание; однако слова и не требуются там, где красноречивее всего говорят многозначительные кивки, полунамеки и улыбки. Все вокруг уже приняли как незыблемый факт, что у Кастра Регис наконец-то появится полноправная хозяйка и что она находится прямо среди них. Впрочем, находились и такие ценители, кто, отдавая должное утонченному шарму леди Арабеллы, все же ставил ее красоту на второе место, безоговорочно присуждая пальму первенства Лилле Уотфорд. Различие их типажей было разительным, что давало обильную пищу для справедливых сравнений: леди Арабелла олицетворяла собой холодный, породистый аристократический тип, в то время как Лилла являла собой чистейший образчик пленительной простонародной красоты.

Когда вечерние сумерки принялись сгущаться над лужайками, мистер Солтон и сэр Натаниэль двинулись к дому пешком – их экипаж был отправлен в конюшни еще в полдень, – предоставив Адаму вернуться в Лессер-Хилл тогда, когда тот посчитает нужным. К их удивлению, юноша переступил порог дома куда раньше, чем ожидали, и по всему его виду было заметно, что он чем-то глубоко расстроен и зол. Ни один из старших джентльменов не стал докучать ему расспросами. Мужчины молча раскурили сигареты и, поскольку час ужина был уже близок, разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться к столу.

Адам, судя по всему, все это время напряженно размышлял. Он спустился к остальным в гостиную взвинченным и не находящим себе места; в столь бурном состоянии духа старшие видели его впервые. Джентльмены, вооруженные терпением и богатым жизненным опытом, рассудили, что время само все расставит по местам и вынудит юношу объясниться. Ждать им довелось недолго. Несколько раз нервно измерив шагами комнату, Адам вдруг в сердцах разразился:

– Этот господин, похоже, всерьез воображает, будто весь мир принадлежит ему одному! Неужели он не способен оставить людей в покое? Он, верно, думает, будто ему достаточно

поманить пальцем любую женщину, и та без памяти падет к его ногам, словно покорная рабыня!

Эта яростная вспышка говорила сама за себя. Лишь глубоко задетое, уязвленное чувство могло вызвать подобную бурю в душе столь добродушного и отходчивого молодого человека. Сэр Натаниэль, как и подобает искушенному дипломату, обладавшему редким даром зреть в самый корень вещей, спросил внезапно, но самым будничным, обманчиво-равнодушным тоном:

– Он посмел оказывать знаки внимания Лилле?

– О да, и этот господин не стал терять драгоценного времени! – вскипел Адам. – Едва ли не в первую минуту после знакомства он принялся расточать ей приторные любезности и твердить, как она божественно хороша. Более того, не успев отойти от нее, он самонадеянно напросился завтра на послеполуденный чай в Мерси-Фарм! Напыщенный болван! Неужто не видит, что эта чистая девушка – совершенно иного склада и не принадлежит к его порочному кругу? В жизни не видел ничего подобного. Это было отвратительное зрелище: ястреб, кружащий над беззащитной голубкой!

Пока юноша говорил, сэр Натаниэль медленно повернул голову и обменялся с мистером Солтоном проницательным взглядом, в котором читалось абсолютное понимание ситуации.

– Расскажи-ка нам обо всем по порядку, Адам, – мягко попросил старый ученый. – До ужина остается еще несколько минут, и наш аппетит лишь выиграет, если мы придем к какому-то ясному выводу по этому делу.

– Да рассказывать, по правде говоря, особо нечего, сэр; и от этого на душе еще гаже. Я вынужден признать, что внешне не было произнесено ни единого слова, к которому мог бы придраться самый строгий ревнитель морали. Он выказывал подчеркнутую учтивость и держался безупречно – именно так, как вельможный лорд ведет себя с прелестной дочерью своего арендатора… И все же… все же… Черт преисподней, я не найду слов, чтобы описать это, но у меня кровь закипела в жилах!

– И все-таки, отчего возникло это сравнение с ястребом и голубкой? – Голос сэра Натаниэля звучал вкрадчиво и успокаивающе; в нем не чувствовалось ни тени спора или праздного любопытства – безупречный тон, способный расположить к исповеди.

– Я едва ли сумею разложить это по полочкам, сэр. Могу лишь повторить: в ту минуту он казался хищным коршуном, а она – трепещущей голубкой. И теперь, когда эта сцена стоит у меня перед глазами, я понимаю, что именно так они оба и выглядели. Да и в повседневной жизни, верно, производят точно такое же впечатление.

– Это правда, – едва слышно обронил сэр Натаниэль.

Адам глухо продолжал:

– Возможно, меня так взвинтил этот его пресловутый древнеримский облик. Но у меня внутри все кричало от желания защитить ее; она казалась мне беззащитной жертвой, над которой нависла смертельная угроза.

– В некотором смысле, мой мальчик, эта прелестная дева, похоже, находится в приятной опасности от всех вас, молодых людей, – тонко улыбнулся сэр Натаниэль. – Я ведь не мог не подметить, какими глазами ты сам смотрел на нее, – словно собрался без остатка вобрать ее в свое сердце!

– Я очень надеюсь, что вы оба, горячие молодые люди, сумеете сохранить ледяное хладнокровие, – веско вмешался в разговор старший мистер Солтон. – Ты должен понимать, Адам, что мы ни в коем случае не можем допустить открытой ссоры между вами, тем более сейчас, едва он вернулся, а ты только ступил на эту землю. Мы обязаны свято оберегать покой, доброе имя и счастье наших соседей, не так ли?

– Разумеется, сэр. Уверяю вас: что бы ни стряслось и какая бы буря ни собиралась над нами, я беспрекословно подчинюсь вашей воле в этом деле, как и во всем остальном.

– Тсс! – предостерегающе прошептал сэр Натаниэль, услышав, как в коридоре шуршат шаги слуг, несущих супницы к обеденному столу.

Уже позже, когда с ужином было покончено и на столе появились орехи и вино, сэр Натаниэль счел благоразумным вернуться к прерванной теме старинных местных легенд.

– Думаю, древние сказания станут для нас куда более безопасной почвой для светской беседы, нежели бурные события сегодняшнего дня.

– О да, сэр, вы совершенно правы, – с облегчением выдохнул Адам. – Теперь вы можете смело полагаться на мое благоразумие при обсуждении любых вопросов. Я готов спокойно говорить даже о мистере Касволле. К слову, завтра мне, по всей видимости, предстоит неизбежная встреча с ним. Он, как я уже упоминал, изволит прибыть в Мерси-Фарм к трем часам, однако мое собственное свидание там назначено на два.

– На удивление вижу, – добродушно усмехнулся мистер Солтон, – что ты даром времени не теряешь, племянник.

Оба старика вновь обменялись заговорщическими взглядами. Затем, чтобы боевой настрой юного слушателя не угас от долгого предисловия, сэр Натаниэль без промедления начал свой рассказ:

– Я вовсе не собираюсь утомлять тебя пересказом всех мифов Мерсии или устраивать из них скучную научную хрестоматию. Полагаю, для нашего дела будет куда полезнее, если мы рассмотрим несколько любопытных фактов – как запечатленных в старинных хрониках, так и основанных лишь в устных преданиях этих мест. И начать нам стоит, пожалуй, с Рощи Дианы. Ее корни уходят в самые мрачные, потаенные эпохи нашей истории, и каждый век приносил свой собственный, пугающий урожай легенд. Эпохи друидов и римлян скрыты от нас слишком плотной завесой времени, чтобы мы могли оперировать точными деталями; однако времена саксов и англов были недавно, так что предостаточно материала для размышлений. Так вот, нам доподлинно известно, что у этого причудливого поместья Роща Дианы в древности имелось и другое, куда более зловещее имя. Последнее, как ты понимаешь, имеет латинские корни – вернее, греческие, бережно перенятые римлянами. Но второе название куда богаче мрачными тайнами и первобытной романтикой, чем античные мифы. На старинном мерсийском наречии оно звучало как «Логово Белого Червя». И здесь мне необходимо сделать важное отступление.

На самой заре зарождения нашего языка слово «червь» несло в себе совершенно иной, куда более грозный смысл, чем в наши дни. Это было прямое заимствование из англосаксонского wyrm, что означало «дракон» или «исполинский змей»; то же мы видим в готском waurms – «змей», исландском ormur или немецком wurm. Мы должны ясно понимать, что изначально это понятие передавало сокрушительные размеры и первобытную мощь, а вовсе не несло в себе нынешний пренебрежительный, уменьшительный оттенок. И здесь нам на помощь приходит фольклор. Достаточно вспомнить знаменитую балладу о «Черве из колодца» при замке Лэмбтон или жуткую легенду о «Безобразном черве из Спиндлстон-Хью». В обоих этих сказаниях «червь» предстает чудовищем невероятных размеров – подлинным исполинским драконом, какими народная фантазия населяла бескрайние, непроходимые топи, где у подобных тварей было много пространства и времени для роста. Один лишь взгляд на геологическую карту округи убедит тебя: какая бы доля вымысла ни крылась в этих историях, условия для реального существования подобных реликтовых монстров в ранние геологические периоды были здесь идеальными. В древности Англия представляла собой обширные болотистые равнины, где скапливались массы стоячей воды. Речные потоки были глубокими, илистыми и ленивыми, повсюду встречались карстовые провалы большой глубины, где любое допотопное чудище, какого угодно вида и масштаба, могло найти себе надежное и сытное прибежище. Там, где сегодня мы любуемся из окон ухоженными лугами и пашнями, в доисторические эпохи бурлили жидкие грязевые котлованы глубиной в сотню футов и более. Кто возьмется утверждать,

когда именно завершился век гигантских ящеров, процветавших в этой первобытной жиже? Наверняка на земле оставались потаенные уголки и уникальные природные условия, способствовавшие куда более долгой жизни, невероятным размерам и сокрушительной силе отдельных особей, чем это принято считать в биологии. Эти реликтовые выжившие существа вполне могли дотянуть до эпохи появления первых людей. Да и скажи на милость, разве в наши дни планета не преподносит нам сюрпризы в виде созданий столь огромного объема, что обыватель считает их чистым вымыслом? Даже сегодня исследователи натыкаются на неоспоримые следы – а порой и на самих животных – потрясающих, пугающих размеров, на истинных выходцев из ушедших эпох, уцелевших благодаря уникальным свойствам их изолированных мест обитания. Помнится, в бытность мою в Индии я свел знакомство с одним весьма почтенным джентльменом, пользовавшимся славой непревзойденного охотника; так вот он признался мне, что самым сильным и мучительным искушением в его жизни было желание нажать на курок при виде гигантской змеи, на которую он наткнулся в глухих лесах Тераи в Верхней Индии. Он участвовал в облаве на тигра, и в тот момент, когда его боевой слон переходил пересохшее русло лесного оврага, исполин вдруг истошно, дико взвизгнул от ужаса. Охотник мгновенно глянул вниз из деревянной надстройки и обомлел: слон перешагивал через тело чудовищной змеи, которая лениво волокла свои кольца сквозь бамбуковые заросли. «Насколько я мог судить, – рассказывал мне этот джентльмен, – в этой твари было не менее восьмидесяти, а то и ста футов в длину. Добрых сорок или пятьдесят футов ее лоснящегося тела лежало по обе стороны нашей тропы; и хотя голод явно истощил ее, в размере она все равно не уступала туловищу взрослого мужчины. Вы, верно, знаете, что во время охоты на тигра считается железным законом не стрелять ни во что иное, поскольку от одного лишнего звука может зависеть жизнь всей группы. Я мог бы без труда перебить хребет этому доисторическому монстру, но понимал, что не имею права рисковать спутниками; и мне со слезами на глазах пришлось проводить его взглядом».

Теперь представь себе подобное чудовище, затаившееся в древности в здешних краях, и мы мгновенно получим ясное представление о тех самых «червях», которые некогда властвовали в великих топях, раскинувшихся вокруг устьев полноводных европейских рек.

– У меня нет ни малейших сомнений, сэр, что подобные монстры, о которых вы рассказали, могли благополучно дожить до более близких к нам времен, чем принято считать в академических кругах, – увлеченно отозвался Адам. – И если такие твари действительно существовали, то ландшафт здешней округи подходил для них как нельзя лучше. Я пытался сопоставить это в уме с тех пор, как вы указали мне на уникальное устройство здешних холмов. Однако мне кажется, что в этой логической цепочке есть одно слабое звено. Разве здесь не возникают чисто механические, физические препятствия?

– Какого рода, мой мальчик?

– Ну, посудите сами: наше доисторическое чудовище должно было обладать колоссальным, просто чудовищным весом, а расстояния, которые ему требовалось преодолевать от низин к вершинам, огромны, да и сами тропы круты и каменисты. От того места, где мы сейчас мирно беседуем, до уровня древних грязевых болот – несколько сотен футов по вертикали; и это я вовсе не беру в расчет переходы по горизонтали. Скажите, возможно ли, чтобы существовал тайный путь, по которому такой гигант мог беспрепятственно подниматься к вершинам и спускаться обратно в бездну, и при этом ни один случайный путник за долгие века ни разу не застал его за этим занятием? Разумеется, предания прекрасны, но разве для строгого научного поиска нам не требуются веские улики?

– Мой дорогой Адам, все твои доводы абсолютно справедливы, – тепло улыбнулся сэр Натаниэль. – И если бы мы затевали строгое академическое расследование по законам нашего века, мы не нашли бы лучшего пути, чем твои логические выкладки. Но, мой дорогой мальчик, ты забываешь, что все эти пугающие события разворачивались тысячи лет назад. Тебе также стоит помнить, что любые письменные хроники тех эпох, способные пролить свет на

эту тайну, безвозвратно утеряны. Более того, земли, о которых идет речь, в те времена напоминали безлюдную пустыню. В первобытном запустении этих краев произрастала настолько буйная, непроходимая растительность, что она стеной стояла на пути людей, создавая непреодолимую преграду для любого исследователя. Логово подобного монстра могло оставаться абсолютно неприкосновенным и сокрытым от посторонних глаз на протяжении сотен, а то и тысяч лет. Плюс ко всему, эти твари закономерно выбирали для себя такие убежища, куда человеку ход был заказан. Исполинский змей, способный часами отдыхать в топкой жиже на глубине, был надежно защищен со всех сторон такими гигантскими, гибельными болотами, каких сегодня на карте Англии уже не сыскать – они уцелели разве что в самых диких, неизученных уголках земного шара. Я далек от мысли утверждать, будто в первобытные времена подобные вещи были невозможны. Эти условия целиком принадлежат ушедшему геологическому веку – эпохе великого, мучительного рождения и тектонического роста нашего мира, когда природные силы буйствовали без удержу, а борьба за выживание была столь свирепой и беспощадной, что ни одно живое существо, не обладавшая гигантскими формами и сокрушительной мощью, не имела ни единого шанса уцелеть. То, что такой суровый век действительно существовал, нам неопровержимо доказывает геология, но, увы, только она; мы никогда не дождемся улик, каких строго требует наш просвещенный век. Нам остается лишь силой воображения рисовать эти картины, реконструировать ушедшие условия и те титанические силы, которые помогли планете преодолеть этих монстров.

Глава VI
Ястреб и голубка

На следующее утро сэр Натаниэль и мистер Солтон уже сидели за завтраком, когда Адам стремительно вошел в столовую.

– Есть новости? – машинально поинтересовался дядя.

– Четыре, – коротко бросил Адам, накладывая себе на тарелку сочные жареные почки.

– Четыре чего? – удивленно приподнял брови сэр Натаниэль.

– Змеи, – пояснил Адам.

– Четыре змеи? Не совсем понимаю.

– Мангуст, – лаконично обронил Адам и, поймав недоуменные взгляды, добавил: – Я вышел на прогулку вместе с ним едва пробило три часа утра.

– Четыре гадюки за одно утро! Признаться, я и не подозревал, что на Брови их такое множество, – так в округе именовали крутой западный обрыв хребта. – Надеюсь, эта утренняя охота не стала прямым следствием нашей вчерашней беседы?

– И да, и нет, сэр. Скажем: косвенно.

– Но, Боже правый, ты ведь не рассчитывал выследить чудовище наподобие Лэмбтонского Червя? – добродушно усмехнулся старик. – Чтобы совладать с подобным монстром, если бы тот существовал наяву, нашему мангусту пришлось бы стать размером со стог сена.

– Нет, это были самые обыкновенные змеи, толщиной с хорошую трость.

– Что ж, в любом случае приятно избавить угодья от этой нечисти, велика она или мала. Сразу видно, отменный зверек; он нам всю округу очистит от ползучих тварей, – одобрительно заключил старший мистер Солтон.

Адам невозмутимо продолжал свой завтрак. Истребление ядовитых гадов на рассвете не являлось для него чем-то из ряда вон выходящим – в Австралии это было делом привычным. Как только с завтраком было покончено, он поднялся из-за стола и удалился в кабинет, который дядя столь любезно предоставил в его распоряжение. И сэр Натаниэль, и мистер Солтон прекрасно поняли, что юноша желает побыть наедине со своими мыслями, чтобы оградить себя от расспросов о предстоящем визите, который он собирался нанести после полудня. Больше они не видели его до самого вечера. Примерно за полчаса до ужина Адам тихо скользнул в уютную курительную комнату, где мистер Солтон и сэр Натаниэль, уже переодетые к столу, коротали время за неспешной беседой.

– Полагаю, тянуть больше не имеет смысла. Лучше выложить все начистоту прямо сейчас, – глухо произнес Адам.

Дядя, желая подбодрить племянника и облегчить ему признание, мягко спросил:

– Выложить что, мой мальчик?

При этих словах в поведении статного австралийца промелькнула непривычная для него застенчивость. Поначалу он немного запнулся, подыскивая нужные слова, но по мере того как продвигался в своем рассказе, голос его обретал былую твердость:

– О моем визите в Мерси-Фарм.

Мистер Солтон выжидающе смолк. Старый дипломат лишь понимающе улыбнулся в усы.

– Полагаю, для вас обоих не секрет, что вчерашнее знакомство с прелестными внучками Уотфорда оставило глубокий след в моей душе?

Ни попытки уклониться от ответа, ни малейшего отрицания со стороны старших джентльменов не последовало. Оба старика лишь согласно кивнули. Адам продолжал:

– И я искренне желал, чтобы вы оба знали об этом. Вы, дядя, – поскольку являетесь моим ближайшим родственником на этой земле; к тому же вы проявили ко мне столько тепла и радушия, словно я ваш родной сын.

Мистер Солтон промолчал, обуреваемый чувствами. Он просто протянул руку, и юноша горячо пожал ее, задержав в своей ладони на несколько секунд.

– А вы, сэр Натаниэль, – потому что подарили мне то редкое, искреннее расположение, о каком и в мечтах об отчем доме за океаном я не смел помышлять.

Он на мгновение осекся, глубоко взволнованный собственными словами.

Сэр Натаниэль ласково положил руку на широкое плечо молодого человека и тихо произнес:

– Ты совершенно прав, мой мальчик. И скажу тебе откровенно: у нас, стариков, на склоне лет обделенных собственными детьми, на сердце становится несказанно тепло, когда мы слышим такие искренние признания.

Тогда Адам заговорил быстрее, словно торопясь поскорее подойти к самой сути дела, которая не давала ему покоя:

– Самого мистера Уотфорда дома не оказалось, но Лилла и Мими были на месте и встретили меня с исключительным радушием. В этой семье глубоко уважают и почитают моего дядю. Я этому несказанно рад, поскольку они все мне безумно нравятся. Мы мирно пили чай в гостиной, как вдруг к дому подъехал мистер Касволл в сопровождении своего чернокожего слуги. Лилла сама поспешила открыть ему двери. Окна на ферме огромные, так что из комнаты как на ладони виден любой, кто приближается к крыльцу. Мистер Касволл с порога заявил, что позволил себе нанести визит, потому что желает поближе и без лишних церемоний познакомиться со своими арендаторами. Девушки приняли его со всем гостеприимством – они удивительно чистые, милые создания, сэр; какому-то счастливчику невероятно повезет в жизни с одной из них.

– И этим счастливчиком вполне можешь стать ты, Адам, – сердечно ободрил его мистер Солтон.

При этих словах глубокая печаль заволокла глаза молодого человека, и тот шальной огонь, который дядя подметил в них накануне, мгновенно угас. Голос его зазвучал глухо и одиноко:

– Этот союз стал бы истинным венцом моей жизни. Но боюсь, это счастье обойдет меня стороной – либо достанется ценой невыносимой боли, невосполнимых утрат и горьких слез.

– Ну полно тебе, еще слишком рано сгущать краски и делать столь мрачные выводы! – бодро воскликнул сэр Натаниэль.

Юноша перевел на него взгляд, преисполненный неизбывной тоски:

– Вчера – еще каких-то несколько часов назад – ваши слова заронили бы в мою душу робкую надежду и придали бы храбрости; но с тех пор мне открылось слишком многое.

Старый ученый, прекрасно изучивший за долгие годы дипломатической службы все тайные струны человеческой души, не стал спорить и переубеждать влюбленного:

– И все же не стоит опускать руки раньше времени, мой мальчик.

– Я не из тех, кто привык пасовать перед трудностями, – горячо отозвался Адам. – Но истинное мужество заключается в том, чтобы смотреть правде в глаза, какой бы суровой она ни была. И когда человек, пусть даже молодой и неопытный, чувствует то же, что почувствовал я с той самой секунды, когда мои глаза встретились со взглядом Мими… а сердце кольнуло. В такие мгновения разум бессилен. Человек просто знает свою судьбу.

В комнате воцарилось тяжелое, благоговейное молчание, и вечерние сумерки стали незаметно красться по углам. Адам первым нарушил тишину:

– Дядя, скажите, а в летописях нашего рода когда-либо упоминался дар второго зрения?

– Нет, сколько живу, ни разу о подобном не слыхивал. А к чему такой вопрос?

– Дело в том, – медленно, взвешивая каждое слово, ответил юноша, – что во мне живет уверенность, которая совпадает с описаниями этого пророческого дара.

– И что же это за уверенность? – спросил старик, не шутя встревожившись.

– Предчувствие неизбежного конца. То самое явление, которое на Гебридских островах и в иных краях, где Видение возведено в культ и является непреложной верой, называют «роком» – приговором, не подлежащим обжалованию. Мне доводилось немало слышать о втором зрении в Австралии, ведь среди колонистов полно выходцев из горной Шотландии; но за одно короткое мгновение сегодняшнего дня я постиг его пугающую суть глубже, чем за всю прошлую жизнь. Это словно гранитная стена, вздымающаяся до самых небес, – настолько черная и непроницаемая, что даже Господнее око не в силах заглянуть за нее. Что ж, если Судьбе суждено свершиться, она свершится. От этого не уйти.

В разговор вмешался ровный и серьезный голос сэра Натаниэля:

– Но разве против Судьбы нельзя бороться? За многое в этой жизни стоит и нужно сражаться.

– За многое – безусловно; но только не с Роком. Однако все, что в человеческих силах, я исполню. Нам предстоит – обязательно предстоит – жестокая схватка. Когда, где и при каких обстоятельствах она грянет, мне неизвестно, но битвы не избежать. Вот только что значит один человек перед лицом такой неодолимой силы?

– Адам, нас трое.

Произнося эти слова, мистер Солтон пристально посмотрел на своего давнего соратника, и в глазах сэра Натаниэля вспыхнул решительный огонь.

– Да, нас трое, – твердо повторил старый дипломат, и голос его прозвенел сталью.

Вновь наступила короткая пауза, и сэр Натаниэль деликатно попытался вернуть беседу в более спокойное русло:

– Расскажи-ка нам оставшиеся подробности этой встречи на ферме. Помни: теперь мы все в одной лодке и связаны этой тайной до конца. Нам предстоит борьба, мы не имеем права пренебрегать ни единой зацепкой, упускать ни малейшей возможности.

– Мы не упустим и не отбросим ничего, что способно принести пользу, – твердо заверил Адам. – Мы будем драться ради победы, а ставка в этой игре – человеческая жизнь, и, боюсь, не одна. Поживем – увидим.

Затем он продолжил свой рассказ уже обычным, будничным тоном, каким повествуют о простых житейских визитах:

– Едва мистер Касволл переступил порог гостиной, его чернокожий раб отступил на несколько шагов назад и замер во дворе. У меня сложилось четкое ощущение, что этот дикарь ждет тайного знака от хозяина и сознательно держится на виду. Чуть позже Мими принесла еще одну чашку, заварила свежий чай, и мы продолжили беседу вчетвером.

– И что же, произошло нечто из ряда вон выходящее? Все держались дружелюбно? – вкрадчиво осведомился сэр Натаниэль.

– Абсолютно дружелюбно. Ни единый жест, ни единая реплика не выбивались из рамок светских приличий, за исключением… – Адам на мгновение замолчал, и его челюсти упрямо сжались, – за исключением того, какими глазами этот господин глядел на Лиллу. Этот взгляд был совершенно невыносим для любого мужчины, которому эта чистая девушка хоть сколько-нибудь дорога.

– И каков же был этот взгляд? Опиши точнее, – настоял сэр Натаниэль.

– В самом выражении его глаз не было откровенной пошлости или дерзости; но не заметить его было решительно невозможно.

– Ты подметил. Мисс Лилла Уотфорд – невинная жертва, и мистер Касволл – виновник, разумеется, не в счет. А обратил ли внимание на эту деталь кто-то еще?

– Мими заметила. Ее лицо буквально вспыхнуло от праведного гнева, едва она перехватила этот взгляд.

– Так что же это было за выражение, Адам? Слишком пылкое, исполненное вожделения или какое-то иное? Был ли это взгляд страстно влюбленного мужчины или того, кто лишь хочет им казаться? Понимаешь, о чем я?

– Да, сэр, прекрасно понимаю. Такие оттенки я бы уж точно не упустил из виду – это, если хотите, часть моей австралийской закалки, помогающей сохранять ледяное самообладание, в верности которому я вам поклялся.

– Если в этом взгляде не было любовной страсти, быть может, в нем читалась затаенная угроза? В чем именно заключалось оскорбление?

Адам грустно, но с уважением улыбнулся старому ученому:

– Нет, сэр, любовью там и не пахло. Если бы дело было в банальной влюбленности, это было бы вполне объяснимо. Я бы последний стал чинить препятствия, поскольку и сам грешен по этой части. К тому же меня учили драться честно, да и по натуре своей я человек справедливый. Я готов выказать столько же благородства и терпимости к удачливому сопернику, сколько ожидал бы получить от него самого. Нет, выражение глаз Касволла было совершенно другой, пугающей природы. И пока оно формально оставалось в границах приличий, я не смел опускаться до банальной сцены ревности. Скажите, сэр, вам когда-либо доводилось подолгу наблюдать за глазами гончей?

– В минуты отдыха?

– Нет, в тот самый миг, когда она идет по следу, повинуясь первобытному инстинкту! Или, что еще точнее, – продолжал Адам, – за глазами хищной птицы, выслеживающей добычу. Не в ту секунду, когда коршун камнем бросается вниз, а когда он парит в вышине и ледяным взором находит жертву?

– Нет, – задумчиво покачал головой сэр Натаниэль. – Пожалуй, мне не доводилось подмечать такие тонкости. А к чему это сравнение?

– Именно таким был взгляд Эдгара Касволла. В нем не было ни капли мужского восхищения или нежности; и все же он показался мне стократ более опасным, чем самая прямая, неприкрытая угроза.

В курительной комнате вновь воцарилась тишина. Сэр Натаниэль медленно поднялся со своего кресла, прервав затянувшееся молчание:

– Пожалуй, будет лучше, если каждый из нас обдумает услышанное наедине. Позже мы вернемся к этому разговору.

Глава VII
Уланга

У мистера Солтона была назначена деловая встреча в Ливерпуле на шесть часов вечера. Едва за ним закрылась дверь, сэр Натаниэль дружески взял Адама под руку:

– Позволь, мой мальчик, я пройду с тобой кабинет. Нам нужно побеседовать с глазу на глаз, и я бы очень просил, чтобы твой дядя не знал об этом разговоре. Надеюсь, ты не против? Уверяю тебя, это не праздное любопытство. Ничуть. Речь идет о той невидимой битве, которой мы все трое себя посвятили.

– А есть ли необходимость держать дядю в неведении, сэр? – засомневался юноша. – Он ведь может ненароком и обидеться.

– Строгой необходимости нет, но это крайне желательно. Я прошу о тайне ради его собственного блага. Мой старинный друг уже далеко не молод, и пугающие откровения способны его встревожить. Даю тебе слово джентльмена: в нашем молчании нет и тени предательства, оно не причинит ему вреда и не даст ни малейшего повода для обиды.

– Что ж, я слушаю вас, сэр, – просто ответил Адам, открывая дверь кабинета.

– Видишь ли, Адам, твой дядя – старик. Я знаю это лучше других, ведь мы вместе бегали мальчишками. Всю свою жизнь он провел в тишине и уединении, так что зловещий оборот, который принимает дело, может подкосить его. По правде говоря, любые резкие перемены – тяжкое бремя для угасающих лет. Они несут с собой волнения и тревоги, а ни то ни другое не идет на пользу организму, чье право – доживать свой век в абсолютном штиле. Твой дядя – человек крепкого сложения, наделенный на редкость счастливой, мирной натурой. При должном уходе и привычном укладе жизни он вполне способен разменять вторую сотню лет. А потому мы с тобой – два любящих его сердца, пусть и любящих по-разному, – обязаны сделать все, чтобы оградить его от любых потрясений. И я убежден, что ты согласишься со мной: любые труды ради этой благородной цели окупятся с лихвой. Ну вот и славно! Я вижу согласие в твоих глазах, а потому закроем эту тему. А теперь, – голос старого дипломата мгновенно переменился, став сухим и деловым, – поведай мне во всех деталях, что стряслось на ферме во время визита. Мы столкнулись с вещами из ряда вон выходящими, и насколько они пугающие, нам пока трудно даже вообразить. Без сомнения, со временем плотная завеса тайны падет, и скрытые доселе пружины механизма обнажатся перед нами. Ну а пока все, что нам остается, – это кропотливо, бесстрашно и до конца исполнять свой долг ради правого дела. Ты остановился на том, как Лилла распахнула двери перед мистером Касволлом и его чернокожим спутником. И ты упомянул, что Мими была до крайности напугана тем, как Касволл смотрел на ее кузину.

– О да, сэр. Хотя слово «напугана» слишком слабо отражает ту бурю немого протеста и гнева, что бушевала в ее душе.

– Можешь ли ты во всех подробностях воскресить в памяти ту сцену? Опиши мне взгляд Касволла, состояние бедной Лиллы и повадки Мими. И, что не менее важно, обрисуй мне Улангу, этого чернокожего слугу.

– Хорошо, сэр. Все то время, пока мистер Касволл смотрел на девушку, его взгляд оставался неподвижным, намертво прикованным к ее лицу, но это не было похоже на отрешенный транс медиума. Его лоб прорезали глубокие, тяжелые складки – так бывает, когда человек до предела напрягает зрение, силясь разглядеть скрытый объект или просветить кого-то насквозь. Знаете, даже в самые благодушные минуты его лицо не назовешь приятным; но когда оно вот так исказилось от предельной концентрации, в нем проступило нечто поистине дьявольское. Бедная Лилла перепугалась до смерти, по ее телу пробежала крупная дрожь, а спустя мгновение она побледнела так страшно, что я испугался, не лишится ли она чувств. Однако она про-

явила характер и попыталась ответить ему прямым взглядом, хоть ее сопротивление и казалось слабым, почти безнадежным. И тут к ней бесшумно подошла Мими и крепко сжала ее ладонь. Это прикосновение вернуло Лилле силы: все еще глядя в упор, она медленно поборола мертвенную бледность, и на ее щеки вернулся живой румянец.

– А он?

– Напротив, он лишь усилил натиск. У меня сложилось пугающее ощущение, что чем слабее и беспомощнее казалась Лилла, тем больше прибывало его собственных сил – словно этот человек питался ее жизненной силой. И вдруг девушка резко отвернулась, всплеснула руками и без чувств рухнула на ковер. Что было дальше, я в ту секунду разглядеть не сумел, поскольку Мими мгновенно бросилась к сестре, заслонив ее тело собой. А затем между мной и девушками словно легла зловещая черная тень – передо мной вырос этот негр, чья рожа в тот миг смахивала на беса из преисподней. Я, признаться, человек далеко не ангельского терпения, а от одного вида этого уродливого чудовища у любого кровь вскипит в жилах. Едва черная тварь перехватила мой взгляд, как дикарь мгновенно почуял опасность и выскользнул из комнаты бесшумно, словно его сдуло порывом сквозняка. Но в одном я теперь уверен: этот раб – наш злейший и опаснейший враг, если вообще у человека бывают враги среди смертных.

– Что ж, в таком случае расклад сил вполне сносный: нас трое против двоих! – вставил сэр Натаниэль.

– Следом за негром и сам Касволл поспешил уйти, растворившись за дверью почти так же неуловимо. Едва он переступил порог дома, Лилла тут же открыла глаза и пришла в себя.

– А теперь, – произнес сэр Натаниэль, стремясь вернуть беседе былое хладнокровие, – удалось ли тебе что-либо выяснить об этом чернокожем? Мне важно знать, с кем мы имеем дело. Сердцем чую, этот субъект доставит нам немало хлопот.

– Да, сэр, я разузнал о нем довольно любопытные вещи. Конечно, это пока лишь неофициальные крохи; но на первых порах приходится довольствоваться и слухами. Вы ведь прекрасно знаете моего верного Давенпорта: он у меня и личный секретарь, и поверенный в делах, и вообще незаменимый мастер на все руки. Он предан мне до мозга костей, и я доверяю ему как самому себе. Так вот, я дал ему секретное поручение остаться на борту «Уэст Африкан», хорошенько прислушаться к портовым разговорам и выудить любую информацию о свите мистера Касволла. Разумеется, этот первобытный дикарь сразу бросился всем в глаза. Давенпорт отыскал на судне опытного стюарда, который уже не один год ходит регулярными рейсами к берегам Южной и Западной Африки. Тот отлично знал Улангу и успел досконально изучить его повадки. Этот стюард – из тех редких белых, кто умеет находить подход к туземцам, и те без утайки раскрывают перед ним свои темные души. По его словам, Уланга – фигура большого масштаба и влияния в негритянском мире на всем западном побережье Континента. Он обладает двумя вещами, перед которыми люди его цвета преклоняются безоговорочно: он умеет внушать первобытный, леденящий ужас и при этом сыпать золотом направо и налево. Чьи это деньги – его собственные или Касволла, – дело десятое. Главное, что туземная чернь готова на каждом углу трубить о его безграничном величии. Это величие зловещее, замешанное на крови, но от того не менее действенное. Если вкратце, то его жизнь такова: поначалу он промышлял как искатель ведьм – пожалуй, это самая кровавая и подлая профессия, какая только существует у диких племен. Набрав силу, он поднялся на ступень выше и стал колдуном оби, что открыло ему безграничные возможности для вымогательства богатств. И наконец, этот малый достиг вершин в иерархии адского служения: его посвятили в верховные жрецы культа вуду, а это, как вам известно, синоним крайней степени низости, разврата и изощренной жестокости. Стюард поведал мне о некоторых его ритуальных художествах – у меня от этих рассказов, признаться, волосы на голове зашевелились, а к горлу подступила тошнота. После услышанного я всем сердцем захотел лично поспособствовать тому, чтобы отправить эту тварь прямиком в преисподнюю. Глядя на его физиономию, цивилизованный человек пытается

измерить бездну его морального падения, но это тщетные усилия. Подобные монстры – ископаемые остатки самых диких, свирепых эпох первобытного варварства. По-своему он чертовски умен; но от этого он становится стократ опаснее и омерзительнее. Моряки на судне рассказывали, что он страстный коллекционер, и кое-кому довелось мельком видеть его сокровища. И что же это за экспонаты, сэр! Все, что в природе – будь то птица, дикий зверь или глубоководная рыба – наделено смертоносной силой зла. Исполинские клювы, рожденные ломать кости, рвать жилы и терзать живую плоть; все представленные пернатые – исключительно ночные хищники и падальщики. Даже рыбы – и те из пород, созданных лишь для того, чтобы калечить и мучить жертву. Уверяю вас, эта коллекция – наглядная, осязаемая энциклопедия человеческой и природной жестокости. Лицо этого существа дышит такой явной злобой, что способно вогнать в дрожь даже видавшего виды мужчину. Стоит ли удивляться, что от одного его внезапного появления чистая, хрупкая девушка мгновенно лишилась чувств!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.